

РОЖДЕНИЕ И СМЕРТЬ «КОРОЛЯ-ЖРЕЦА»: ПРОБЛЕМА ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОГО ВЫБОРА И ДЕКОНСТРУКЦИИ

Санников Сергей Викторович

*канд. ист. наук, профессор кафедры международных отношений Сибирского
института международных отношений и регионоведения, г. Новосибирск*

E-mail: sannikov_s@ngs.ru

BIRTH AND DEATH OF A PRIEST-KING: PROBLEM OF EXISTENTIAL CHOICE AND DECONSTRUCTION

Sergey Sannikov

*Ph.D. in History, professor of Siberian Institute of International Relations and
Regional Studies, chair of International relations, Novosibirsk*

АННОТАЦИЯ

В статье выполняется деконструкция комплекса представлений о сакральности политической власти, сформированных средневековыми и современными исследователями. Текст династии Меровингов декодируется посредством архаических текстов, восходящих к скальдической поэзии. Принятие христианства интерпретируется как экзистенциальный выбор правителя в пограничной ситуации.

ABSTRACT

The author is deconstructing the set of ideas of the sacral nature of political power, formed by medieval and modern scholars. The text of the Merovingian dynasty is decoded through the archaic texts dating back to skaldic poetry. Conversion to Christianity is interpreted as an existential choice of a ruler in a limit situation.

Ключевые слова: семиотика; деконструкция; сакральность власти; царь-жрец; Хлодвиг; Меровинги; язычество; христианизация.

Keywords: semiotics; deconstruction; sacral kingship; sacred king; Clovis; Merovingians; paganism; Christianization.

Представление о специфическом «религиозном» характере власти древних королей Европы укрепилось в научной среде в первой половине XX столетия под влиянием работ Д.Д. Фрэзера, Г.М. Чедвика, Э. Бенвениста, М. Блока. Религиозная культура раннего средневековья стала неотделима от поэтического образа власти «царя-жреца, которой обладали франкские языческие вожди – «*reges criniti*», косматые цари коротковолосого народа, в чьих длинных волосах таилась чудодейственная власть царей, «подобных Самсону» [3, с.251].

Среди большого количества литературных образов, сопряженных с упомянутым архетипом «царя-жреца», одним из наиболее ярких, вероятно, является образ короля франков Хлодвига – монструозного и харизматичного представителя легендарного правящего рода Меровингов, жадного до власти мастера политической интриги и заговора, ставшего фактическим основателем единого франкского королевства. Епископ Григорий Турский, запечатлевший жизнь и правление короля Хлодвига в своей «Истории», несомненно, стоял перед сложным нравственным и дидактическим выбором – описывать ли ему мифологическую генеалогию рода Меровингов, давать ли нравственную оценку борьбе Хлодвига с его ближайшими родственниками, добавлять ли в повествование вымышленные факты, свидетельствующие о чудесном преображении жизни правителя после принятия христианства.

Необходимо отметить, что «текст» короля Хлодвига продолжает создаваться и в новейшее время – исследователи не устают порождать интерпретации мотивов его обращения в христианство, обозначая в качестве одного из ключевых приоритетов политики короля поиск выгоды от союза с влиятельным институтом католической церкви [7, с.673-674]. При этом анализ

индивидуальных мотивов и социальных алгоритмов, связанных с обращением средневековых исторических персонажей в христианство, осложняется рядом когнитивных предпосылок – прежде всего, определяющей ролью современного информационно-культурного кода, детерминирующего рационализацию социальных процессов и коммуникативных процедур, а также необходимостью, как минимум, двойного декодирования, связанного с тем, что средневековые авторы, формировавшие образы рассматриваемых персонажей, находились в рамках определенной эпистемы, предполагавшей соответствующую интерпретацию и даже модификацию сюжетов, связанных с нравственным или ценностным выбором.

Большой интерес представляют попытки выявления мотивов обращения Хлодвига в ключе методологии направления «психоистории» – в данном отношении необходимо отметить работу И.Ю. Николаевой, которая в числе факторов обращения правителя называет кризис идентичности германского короля, установки, ассоциирующие меровингский род с военными победами, а также наличие трансцендентной форс-идеи, обусловившей трансформацию психологической идентичности потестарных институтов [4, с.113]. Результаты исследования И.Ю. Николаевой имеют большую ценность, но они, вероятно, могут быть дополнены путем имплементации принципов культурно-семиотического подхода, которые удачно сформулировал Б.А. Успенский: «Культурно-семиотический подход к истории предполагает апелляцию к внутренней точке зрения самих участников исторического процесса: значимым признается то, что является значимым с их точки зрения. Речь идет, таким образом, о реконструкции тех субъективных мотивов, которые оказываются непосредственным импульсом для тех или иных действий (так или иначе определяющих ход событий)» [9, с.11].

Представляется, что анализ работ галло-римских интеллектуалов, подобных Григорию Турскому, неизбежно транслировавших в своих литературных произведениях метатексты «осевого времени», не вполне достаточен для интерпретации психологических мотивов обращения Хлодвига.

Подобная задача требует обращения к более глубокому культурному субстрату, максимально сопряженному с семиосферой объекта исследования. Ценным в данном отношении материалом, позволяющим восполнить ряд концептуальных пробелов, возникающих в дидактическом христианском тексте (которым является «История» Григория Турского), может считаться, например, «Сага об Инглингах» (Ynglinga saga) исландского скальда Снорри Стурлусона, транслирующая германские предания и мифы (а, следовательно, и архетипические модели восприятия действительности), связанные с процессом становления королевской власти и утверждения правящего королевского рода.

Особенная ценность данного произведения состоит в том, что автор не связан латинской лексикой, имея возможность использовать для обозначения статуса и характера власти правителей германские титулы, известные ему, по всей видимости, из скальдической поэзии (в указанном источнике содержится своеобразный синтез поэтических текстов «Перечня Инглингов» (Ynglingatal) и эддической «Песни о Риге» (Rígsþula). Согласно версии Снорри Стурлусона, правнук мифологического персонажа Рига по имени Дюгтви «был первым из своих родичей назван конунгом. До этого они назывались «дроттины», а жены их – «дроттинги». Каждый из них назывался также Ингви или Ингуни, а все они вместе – Инглингами» [8, с.19].

Власть упомянутых «дроттинов» восходит, согласно эвгемерической концепции Снорри Стурлусона, к установлениям мифологического правителя Одина, который после прихода в Швецию наделил верховных жрецов обширными полномочиями по управлению различными регионами этой страны. По всей видимости, в произведении транслируется представление о своеобразной модели сакральной власти правителя-жреца, обеспечивающего прорицание права, защиту земли и плодородие почвы. Приходящие на смену «дроттинам» короли («конунги») в повествовании Снорри Стурлусона напоминают скорее успешных военных вождей и грабителей, участвующих в непрерывных войнах и столкновениях. Смена общественного уклада при этом сопровождается братоубийственной враждой, родовыми проклятиями и

предательством, разрушающими архетипическую идиллию «золотого века» эпохи правления Фрейра – Фьельнира – Фроди (характерно, что сама генеалогия в данном случае носит форму аллитерирующего стиха).

Архетипы «Отца» и «Золотого века» в описании событий королевского дома Швеции сменяются архетипами «Героя» и «Тени». Борьба за власть, сопряженная с различными злодеяниями, не подлежащими искуплению в соответствии с древнегерманскими правовыми традициями, становится одним из распространенных сюжетов королевских саг. Упадок древней модели сакральной власти дроттинов и последующая смена власти военными вождями-конунгами стали одним из наиболее драматичных потестарных переворотов, отголоски которого прослеживаются, по всей видимости, и в произведении Прокопия Кесарийского, описавшего убийство короля герулов после их переселения из Скандинавии на территорию Римской империи: «Проявляя по отношению к своему королю (имя ему было Ох) чисто зверское и достойное безумных отношение, эрулы внезапно без всякой вины убили этого человека, не выставляя никакой другой причины, кроме той, что в дальнейшем они хотят жить без царей. Но и прежде их король носил это звание только на словах, не имея почти никаких преимуществ сравнительно с любым частным человеком. Все могли сидеть вместе с ним и требовали права быть его сотрапезниками, и беспрепятственно всякий, кто хотел, мог нанести ему оскорбление. Нет людей более недобросовестных и непостоянных, чем эрулы. Совершив это преступление, они тотчас же в нем раскаялись. Они стали говорить, что жить в анархии, без вождей они не могут. После многих общих совещаний всем им показалось лучшим послать просить себе в короли кого-нибудь из людей царского рода с острова Фулы» [5, с.209].

Противоречивые чувства, связанные с агрессией и последующим раскаянием об утрате короля, демонстрируют тенденцию к распространению на правителя комплекса чувств, связанных с восприятием отца, отмеченную в исследованиях З. Фрейда. Значимым фактором, определяющим развитие данного сюжета, является представление древних германцев о короле как

покровителе народа, при котором «носящая сакральный характер «сила» короля и его рода – источник благополучия всего народа» [6, с.60-76]. При этом «плохие, «бессильные» короли – не только бедствие, но и позор для gens» [там же]. Вероятно, именно с этим связаны обвинения герулов в адрес короля Родульфа, когда они «исполненные сильного гнева, без всякого стеснения бранили своего короля Родульфа и, постоянно приходя к нему, называли его впадшим в изнеженность и ставшим слабым, как женщина, и, насмехаясь и обзывая его другими неподходящими словами, всячески понося, бранили его» [5, с.206] за то, что король в течение нескольких лет не провел ни одной войны. Актуальность королей как покровителей правосудия, источников плодородия земли и отправителей магических обрядов снижалась, и от них требовались совершенно иные качества, связанные с воинственностью в связи с планированием грабительских набегов, а также цинизмом и дальновидной расчетливостью в отношении борьбы с конкурентами.

Юный король Хлодвиг, наделенный сакральной харизмой рода Меровингов, принял власть своего отца Хильдерика в непростое время. Век «королей-жрецов», по всей видимости, подходил к концу, и тектонические сдвиги семиосферы сопровождали рождение «короля-воина», грабителя и захватчика, уничтожающего своих родственников и конкурентов в «волчий век» гибели традиционного германского общества. Связь германских племен с землей, служившей мифологическим источником жизни, постепенно разрывалась, королевские дружины проводили большую часть времени в военных походах на чужбине, а богатство римского государства становилось вождельной и пока недостижимой целью военных лидеров, успехи и неудачи которых превращались в залог их дальнейшей судьбы и возможного обретения королевских почестей. Знаменитый сюжет с Суассонской чашей, которую Хлодвиг не смог получить в качестве добычи от своих воинов по итогам очередного грабительского набега, в полной мере демонстрирует глубокий кризис институтов власти во франкском обществе рассматриваемого периода. Ни длинные волосы короля, указывающие на его магические способности и

принадлежность к потомкам мифологического чудовища, ни королевские отметины на теле, которыми должны были обладать члены правящего рода, не были способны обеспечить правителю необходимую легитимность и авторитет в глазах его дружины. Для восстановления полноты власти Хлодвигу предстояло пройти своеобразную воинскую инициацию, ордалию в форме поединка, когда он уничтожил своего оппонента в «суде Бога» на глазах войска, собравшегося для совершения древней традиции королевского смотра.

Войско приняло победу короля, испытал «большой страх» перед исходящей от правителя угрозой физической расправы. Но Хлодвиг должен был прекрасно понимать, что любое военное поражение приведет к актуализации древнего архетипа «Жертвы», ритуальному устранению «слабого правителя», предаваемого смерти для умилоствления богов. Образ короля-мученика Христа, известный Хлодвигу благодаря стараниям его супруги Хродехильды, не мог не стать для него в связи с этим источником сомнений и глубоких размышлений о природе власти и переменчивости судьбы. Королева, будучи христианкой, не оставляла надежду на обращение супруга, но для короля разрыв связи с культом предков был равносителен политическому самоубийству. Весьма показательным в данном отношении является схожий пример короля фризов Ратбода, который отказался принять крещение, узнав, что «все предшествовавшие ему правители-язычники и некрещенные фризы навлекли на себя вечное проклятье, и только он, приняв крещение, окажется в небесном царстве Христа» [2, с.21-38], в связи с чем его сакральная связь с сородичами может быть прервана.

Экзистенциальной пограничной ситуацией в жизни Хлодвига стала ожесточенная битва с алеманнами, в ходе которой войско короля франков начало, согласно свидетельству Григория Турского, терпеть поражение. Ощущение предстоящего падения, вне всякого сомнения, вызывало в сознании Хлодвига воспоминания об участии сакральной жертвы, которой становился правитель, утративший связь с богами плодородия или военной победы. Ощущение отчаяния, которое мог испытывать в этот момент франкский

король-жрец, отчасти сопоставимо по своей глубине с описанным в библейском тексте переживанием Христа, преданного на распятие, который с громким криком обращался к Богу с вопросом: «Боже мой, почему Ты оставил меня?» [1, с.1393]. Обращение Хлодвига к испытывавшему мученическую смерть «конунгу всего сущего» Христу становится единственным выходом, когда ни земля, ни род короля оказываются не способны обеспечить его выживание. Драматичная по своей сути ситуация приводит к тому, что перед страхом грандиозного поражения и бесчестия в битве Хлодвиг как бы разрывает «договорные» (пользуясь терминологией Ю.М. Лотмана) отношения с языческими богами, сулящими королю роль беспомощной жертвы, и «вверяет себя» христианскому Богу, полагаясь исключительно на Его милость. Битва в семиотическом плане вновь предстает своеобразной инициацией или ордалией, испытанием, во время которого обвиняемый также должен был верить себя милости Бога, не имея надежды на иное избавление. Поле битвы с алеманнами, победа на котором была чудесным образом дарована Хлодвигу, стало тем самым Мульвийским мостом, который определил судьбу европейской цивилизации.

Хлодвиг, вероятно, понимал, что принятие христианства станет неизбежной смертью «короля-жреца», его отторжением от космоса и даровавших некогда ему политическую жизнь природных стихий. Его потомки будут предательски свергнуты «эффективными менеджерами» королевских конюшен и виновные не понесут за это никакой ответственности, поскольку будут совершать это с благословения католической Церкви в обмен на избавление Рима от политических оппонентов. Но неизбежность включения франков в пространство ценностей и геокультурных координат «осевого времени» диктовала королю соответствующий выбор. Эпоха магического договора между правящей династией и германскими богами завершалась, и правитель вступал в новый религиозный мир средневековья, в котором каждый индивид оказывался в экзистенциальной доксологической ситуации «вверения себя» *in ipso*.

Список литературы:

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. (Синодальный перевод). М., 2010. 1690 с.
2. Дряхлов В.Н. Языческое противодействие христианизации в Западной Европе в раннее средневековье [Текст] / В.Н. Дряхлов // Вопросы истории. - 2007. - №1. - С. 21-38.
3. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада: Пер. с фр./ Общ. ред. Ю.Л. Бессмертного; Послесл. А. Я. Гуревича. – М.: Издательская группа Прогресс, Прогресс-Академия, 1992. 376 с.
4. Николаева И.Ю. Проблема методологического синтеза и верификации в истории в свете современных концепций бессознательного. Томск, 2005. 301 с.
5. Прокопий Кесарийский. Война с готами. - Пер. Кондратьева С.П. - М., Изд-во Акад. Наук СССР, 1950. 519 с.
6. Ронин В.К. Франки, вестготы, лангобарды в 6-8 вв.: политические аспекты самосознания //Одиссей. Человек в истории. М.,1989. С.60-76.
7. Сартр Ж. П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии / Пер. с фр., предисл., примеч. В. И. Колядко. - М.: Республика, 2000. - 639 с.
8. Снорри Стурлусон. Круг Земной: [Перевод] / Снорри Стурлусон; Изд. подгот. А. Я. Гуревич и др. - М. : Наука, 1980. - 687 с.
9. Успенский Б.А. История и семиотика (Восприятие времени как семиотическая проблема) // Успенский Б.А. Избранные труды. М., 1996. Т. 1. С. 10-70.